

Литературоведение. Журналистика

УДК 821.111.1.09, 82.09(882)

DOI: 10.14529/ssh240109

«ШУМ ВРЕМЕНИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О КОЛЫМЕ

Г. Г. ДЕМИДОВА

Ч. А. Горбачевский

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В настоящей статье предложен анализ произведений Георгия Георгиевича Демидова, входящих в корпус так называемой лагерной прозы. Многие из бывших заключенных в своих мемуарах оставили свидетельства о колымской каторге XX века в разных жанрах (романы, повести, рассказы, новеллы, очерки, трагедии, реквиемы, записки, дневники, исповеди, жития и др.).

Собственное видение колымского мира с его специфическими северными реалиями представлено в рассказах и повестях Г. Г. Демидова, который акцентирует внимание на запроволочной повседневности с ее неперенным ритуализированным бытом. В подавляющем большинстве случаев в приведенных текстах слово *ритуал*, как совокупность запроволочных обрядовых действий, употребляется исключительно в профанном и негативном смысле. Ритуал – неизменный атрибут тюремно-лагерных реалий Колымы – призван был не только внешне упорядочить и дисциплинировать невольников, но и усилить пытку заключением.

Следствием этих (анти)общественных процессов было сравнительно скорое уничтожение «тонкой пленки цивилизации», восстановление которой в дальнейшем становится чрезвычайно трудной задачей как для отдельного человека, так и для социума в целом.

Ключевые слова: образ, жанр, творческий метод, Колыма, ритуал, первобытность, трудовой лагерь.

Введение

Заключенные, «пригнанные», с Большой земли на морских судах, под конвоем на «остров Колыму», попадали на долгие месяцы и годы (при этом не всегда и далеко не всем судьба благоволила выжить) в незнакомые первобытные условия жизни, т. е. содержания и эксплуатации. Памятные свидетельства о первобытности колымского заключения оставили в многочисленных документально-художественных жанрах (о событиях второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века) выжившие в этих условиях зэка. Назовем основные из жанрового списка: это разновидности романа (документальный, автобиографический, роман-воспоминание, роман-эссе, антироман); повести (повесть о жизни, детстве, лишнего человека, документальная повесть, повесть-хроника, повесть в рассказах, повесть-воспоминание, автобиографическая повесть); рассказы (невыведанные рассказы, рассказ-свидетельство, устные рассказы, рассказ очевидца, рассказы без подробностей). А еще письма, новеллы, очерки, трагедии, трагикомедии, реквиемы, записки и записи, дневники, раздумья, исповеди, жития (в том числе жития не святых), моления, хождения, истории, репортажи, комментарии, размышления, наброски, дела, документы, факты, домыслы и «параша». У этих жанров несколько сотен только «колымских авторов», т. е. заключенных, прошедших через колымскую систему трудовых лагерей. Свое особое место среди «колымских авторов» занимает творчество Георгия

Демидова, писавшего в 1960–1970-е гг. «в стол» рассказы, повести и воспоминания.

Обзор литературы

Так или иначе значительная часть исследователей, обращавшихся к изучению литературы о каторжной Колыме, не могла обойти главную в ряду других тему – о том, что убивало (в прямом и переносном смысле) человека, попадавшего не по своей воле на колымский край земли. Огромный массив исследовательской литературы посвящен самому, пожалуй, известному «колымскому автору» Варламу Шаламову, о творчестве которого писали очень многие, например, Ф. Апанович, М. Берютти, Е. Волкова, А. Гаврилова, Дж. Глэд, В. Есипов, Л. Жаравина, Вяч. Вс. Иванов, Л. Клайн, Дж. Лундблад-Янич, Е. Михайлик, С. Соловьев, И. Сухих, Л. Токер, Л. Юргенсон и др. (Более полный список см. на Шаламовском сайте [1]). Работ, посвященных другим «колымским авторам» (в том числе Г. Демидову), значительно меньше. Здесь назовем такие имена: В. Демидова, Г. Померанц, И. Паникаров, Ю. Самодуров, М. Чудакова, В. Шенталинский, Н. Эйделман, Э. Эпплбаум.

Методы исследования

Одной из методологических посылок статьи явилось понимание творческого мира Г. Демидова как единой, последовательной и стройной конструкции, демонстрирующей / описывающей тюремно-лагерную систему и положение подневольного человека в ней. Наряду с использованием типологического и сравнительно-типологического методов при ответе на ряд вопросов использовались

общепринятые положения, связанные с методическими приемами целостного анализа литературно-художественного текста.

Результаты и дискуссия

Памятные свидетельства о первобытности¹ колымского заключения оставили бывшие узники в воспоминаниях, посвященных событиям второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века. Среди авторов-мемуаристов: Н. Билетов, Е. Владимиров, П. Галицкий, Е. Гинзбург, Г. Горчаков, П. Демант, А. Жигулин, И. Исаев, Г. Кусургашев, Б. Лесняк, В. Плотников, З. Румер, В. Филин, В. Шаламов, Я. Эфрусси, А. Яроцкий и др.

В рассказах и повестях Г. Демидова² внимание сосредоточено на заповоленной повседневности с ее детерминированно ритуализированной составляющей: изображением «доисторических» нравов, предметов, образов и пейзажных описаний.

Так, в повести «На перекрестках невольничьих путей» (1969) явлен далеко не худший по колымским меркам сельхозлагерь, расположенный на небольшом острове и напоминающий рассказчику стоянку первобытного человека, выбравшего место для поселения с учетом близости к воде и меньшего количества кровососущих насекомых [3, с. 53–54]. Первобытные обитатели, они же заключенные этого острова, сооружают навес над очагом, вроде *папуасского*³, для приготовления пищи [3, с. 53]. В этот же типологический ряд вписана *доисторическая предшественница колеса* – примитивная *волокуша*, запряженная лошадей. Такое приспособление по перетаскиванию стогов сена становится незаменимым в условиях колымского сельхозлагеря [3, с. 60]. Двое заключенных (собственно рассказчик повести и Юлия Кравцова⁴) стоят на сенокосе, облаченные в защитные маски от комаров и гнуса, имеют сходство с языческими божествами непонятного происхождения и напоминают изваяния двух сторожевых фигур [3, с. 68].

Охота на здешнего хозяина тайги (медведя) в границах заключенных параллелей сродни охоте в доисторические пещерные времена, когда дикого зверя преследовали, загоняли и брали едва ли не голыми руками: «Но представьте себе медведя, пусть даже не очень крупного, упавшего в яму с ложным дном, которого люди пытаются убить

с помощью вил и самодельных пик, а он вот-вот из этой ямы выберется! Стены-то у нее – галька, лишь слегка скрепленная илом» [3, с. 70–71].

В рассказе «Начальник» (1965) арестанты, попавшие с экстремального холода и мороза в отнositельное тепло барака, сравниваются с медлительными оттаивающими *рептилиями*, удивляющимися, что в этих условиях смогли остаться на плаву и выжить [4, с. 182].

Подневольный человек на колымской каторге в краткие сроки – обычно хватало нескольких недель – обретал тот зоологический эгоизм, который развивался в нем за время общих тяжелых работ и самой примитивной борьбы за существование [3, с. 98]. В описании человеческих чувств и инстинктов рассказчик использует образные сравнения, напрямую связанные не только со знакомым ему колымским контекстом, но и с далекой вольной, прошлой жизнью: «Ревность старше любви настолько же, насколько первобытный ящер старше человека разумного» [3, с. 115].

В повести Г. Демидова «Перстенок» (1969–1973) мастер на все руки ээка по имени «дядя Ваня» изготавливает мундштуки и перстни не только из привычного подручного дерева, но и из весьма экзотического на Большой земле, однако не в этих краях, – «бивней мамонта⁵, благо их тут в вечной мерзлоте находили часто» [3, с. 240]⁶. Любопытно, что кости мамонта мало кого здесь удивляли, тем более что государство, словно повернувшее время вспять, заботливо предоставило заключенным возможность испытать на собственном примере все преимущества обратной колымской эволюции и самим вплотную приблизиться к состоянию вымирающих ископаемых животных. Какая-то часть этих заключенных, подобно своим древним колымским предшественникам из семейства слоновых, до сих пор лежит нетленными в вечной мерзлоте до лучших времен.

Примитивный сверлильный станок упомянутого выше изобретательного «дяди Вани» сконструирован абсолютно по схожему принципу с древним приспособлением для извлечения огня трением [3, с. 240]. Изделия «дяди Вани» колымскими лагерными насельниками разных рангов ценились очень высоко – не меньше различных ценных безделушек европейских первооткрывателей новых земель.

Как известно, основных жизненно необходимых средств для выживания заключенным в северных условиях катастрофически не хватало (одежды, еды, теплых стен в бараке). В свою очередь у подневольных работников необходимые

¹ В нашей статье термин «первобытность» используется в двух словарных значениях: 1. Относящийся к древнейшим эпохам истории человечества. 2. *перен.* Дикий, некультурный, отсталый [2, с. 428].

² В статье анализируются рассказы и повести «Начальник», «Убей немца», «На перекрестках невольничьих путей», «Перстенок».

³ Здесь и далее курсивом выделено мной. – Ч. Г.

⁴ О Юлии Кравцовой в повести говорится, что в прошлой жизни она была художницей из Ленинграда, «...очень миловидная, интеллигентная и какая-то удивительно мягкая и кроткая в отношениях со всеми. Осуждена Кравцова была на восемь лет заключения как член семьи врага народа “Особым Совещанием” при наркомте внутренних дел и, конечно, заочно» [3, с. 16].

⁵ В рассказе В. Шаламова «Иван Федорович» (1962) магаданский заключенный и местный знаменитый косторез изготавливает из бивня мамонта какой-то особенный ларец для молодой жены немолодого начальника Дальстроя [5, с. 213].

⁶ В общем контексте, наверно, не случайно в руках рассказчика повести обычная летучая мышь обретает черты *маленького птеродактиля*.

на общих работах орудия труда, вложенные в их руки представителями власти различных уровней, превращались временами в нечто абсолютно противоположное. Об одном из таких инструментов, неожиданно превратившихся в как бы перекованное орало на меч, т. е. в орудие возмездия, пишет колымчанин Владимир Филин в стихотворении «В тайге» (1958). Подобная перековка в нечеловеческих обстоятельствах, с одной стороны, приближала человека к его первобытно-варварскому состоянию, но с другой – настоятельно напоминала ему же о почти начисто забытом, уничтоженном чувстве справедливости и какого-то собственного достоинства: «<...> Посиди у костра, доходяга, / не бойся! / были предки твои дикари. / Так они у костров дрожали / По ночам до зари / и все дни / голодны. / Только были свободны они. / Ну, а ты – / Каторжанин. / Их пещерная жизнь прошла, / Ты же видел / кое-что лучше. / <...> / Стерегут пулеметные вышки / кругом. / Бригадир все свирепее дышит. / Ты не бойся его, доходяга. / Вот лом! <...>» [6, с. 882–883]. Очевидно, что автор стихотворения проводит линию преемственности от дикарей прошлых времен к одичавшему под натиском заповолочной жизни современному человеку. И оказывается, что в каком-то смысле сравнение воли предков-дикарей, чья *пещерная жизнь* давно канула в Лету, с настоящей пещерной жизнью, заместившей свободу и волю лагернику XX века, – не в пользу последнего. Для лирического героя стихотворения избавление от бригадирсадиста, готового палкой, ломом, чем угодно погнать еле живых, измученных людей на ненавистную, убивающую работу⁷, становится жизненно необходимым с помощью тех же подручных орудий труда (лома, кирки, кайла). Едва ли нужно говорить о том, что такой способ избавления от бригадира вовсе не приближал ээка к свободе, но отодвигал ее на еще более неопределенный срок. Несмотря на это, доведенный до отчаяния человек в сложившихся условиях о высоких материях особенно не размышлял, главным для него было освобождение от ежедневных издевательств независимо от последствий.

Безысходность колымского открытого и одновременно предельно замкнутого пространства усугублялась тем, что побег отсюда на Большую землю был крайне трудным. Тем не менее, тема побегов – одна из лейтмотивных в документально-художественной прозе, посвященной каторжной Колыме. Побег – это отчаянная попытка избавиться от каторжной первобытности, попытка вырваться из крепких колымских объятий на свободу, как правило, весьма зыбкую и смертельную

опасную. В рассказе Г. Демидова «Убей немца» (1965) повествователь разделяет распространенное среди колымчан мнение о том, что «...побег с Колымы все здесь считают делом почти невозможным даже для людей, которых не держат за оградой лагеря под постоянным наблюдением конвойного» [3, с. 278]. О трудностях «ухода во льды» свидетельствовали Д. Алин, Э. Багиров, Г. Вагнер, Г. Нурмина, П. Деманг, А. Жигулин, Б. Лесняк, Г. Темин, В. Шаламов, А. Яроцкий и др.

В повести «На перекрестках невольничьих путей» (1969) дорога, казавшаяся потенциальным беглецам ведущей к освобождению из неволи, на самом деле приводит в тупик, т. е. упирается в бесконечную водную гладь. А в противоположной от моря сухопутной стороне разместилось не менее непреодолимое пространство, которое, по выражению А. Чехова, «знали только перелетные птицы» [7, с. 42] – тундра и тайга. У беглецов, решившихся на отчаянный, смертельно опасный шаг, пробуждалась древняя энергия отчаянной смелости, гнавшая их прочь от лагеря⁸: «Людей в подобных случаях нередко выручает заложенный в них громадный запас первобытной выносливости и терпения» [3, с. 250]. Вохровская погоня за беглецами, в свою очередь, превращалась в первобытную охоту на человека.

После финального эпизода охоты на человека (повесть «Перстенек»), когда беглецы уже наступили и убиты вохровцами, в тексте появляется первобытный языческий образ, поставивший точку в сюжете с погоней. На догоравшем костре рядом с ручьем оказался один из застреленных и упавших в него беглецов. Он «лежал лицом вниз поперек высовывающегося из воды подобия древнеязыческого жертвенника, на котором еще дымилась остатки костра» [3, с. 263]. Убитые были тут же зарыты рядом с импровизированно устроенным жертвенным костром, а кисти рук у беглецов предварительно и предусмотрительно отрезаны для предъявления начальству вещественных доказательств поимки бежавших преступников и дальнейшей процедуры дактилоскопии. Подобная жертвенная церемония с приношением даров на алтарь лагерных богов, едва ли подразумевающая «солидарность между служителем, божеством и жертвуемой вещью» [8, с. 40], – нередкая практика на Колыме описываемых времен. В случае убийства беглых ээка на сравнительно близком расстоянии от лагеря, кисти рук можно было не

⁷ Специфика бригадирской работы много раз описана в воспоминаниях бывших заключенных, например, у В. Шаламова в рассказе «Как это началось»: «Ходили с палкой по забою – эта палка называлась “термометром”, и избивали безответных фраеров. Забивали и до смерти» [5, с. 390].

⁸ Внезапное пробуждение первобытных сил в других обстоятельствах, но схожих с теми, что заставляли человека уходить «во льды», Г. Демидов описывает на примере подследственного инженера повести «Оранжевый абажур»: «Трубриков находился в том состоянии почти звериной ярости (после того, как помощник следователя его грубо оскорбил и ударил. – Ч. Г.), которая проявляется иногда в современном человеке как один из видов атавизма. Мышечная сила удесетеряется. Все реакции становятся до предела быстрыми и точными. Чувства боли и страха как бы выключаются вовсе» [9, с. 171].

отрезать. Трупы беглецов в этом случае и в соответствии с установленными асимметричными⁹ первобытно-ритуальными манипуляциями выставлялись на всеобщее обозрение перед лагерными воротами в виде пугал из когда-то живых людей – в назидание остальным заключенным, для их предостережения и устрашения.

В рассказе «Убей немца» (1965) мысли колымских мальчиков Саша и Кости созвучны мыслям обитателей не здешних, а более южных, далеких и малоизведанных земель. Саша и Костя, юные старожилы колымского края, мечтают соорудить из древесных стволов собственное «плавающее средство», как это делают «аборигены архипелагов Тихого и Индийского океанов» [3, с. 279], потом уплыть с их помощью на материк, на фронт, чтобы сражаться с фашистскими врагами. На впечатлительное детское воображение безотказно действует пропагандистский плакат, выразительно изображавший проткнутую насквозь штыком голову немецкого солдата. Повествователь недвусмысленно комментирует реакцию мальчиков на увиденное: «Их целиком захватило садистское вдохновение художника, которое так легко передать дикарям и детям» [3, с. 276]. Находясь под гипнозом броской идеи плаката, Саша и Костя убивают случайного человека – русского немца из Сибири, Вернера Линде (филолога и преподавателя немецкого языка), который был арестован в 1937 году как иностранец-немец по статье социально-опасный элемент (СОЭ) и отправлен по этапу на Колыму. Они, по детскому недомыслию, и представить себе не могли, что дикие идеи нацистов вместе с фашизмом Вернеру Линде были органически чужды и далеки от его взглядов, мировоззрения и этических представлений [3, с. 294].

Так, плакатный прием сослужил злую службу романтически и воинственно настроенным юным колымским аборигенам Саше и Косте.

Выводы

Несмотря на то что колымская пещерная первобытность едва ли является уникальной в общей запроволочной системе сталинских трудовых лагерей, тем не менее по своей крайней удаленности этого отдельного «государства в государстве» от границ Большой земли, каторжная Колыма внесла свои специфические штрихи в разветвленную картину принудительного труда и тяжелых общих работ в мире «смещенных масштабов».

Г. Демидов, создавая собственную картину колымской планеты, смог найти в ней не только то, что коверкало, ломало и уничтожало человеческое в человеке, но и попытался увидеть в «этом

вогнутом зеркале чувств и поступков» [10, с. 164] то, что способствовало и помогало в подземном аду сохранить заключенному-человеку «невогнutoзеркальные» человеческие качества и черты, его облик, чувства и поступки.

Литература

1. <https://shalamov.ru/>.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
3. Демидов, Г. Г. Любовь за колючей проволокой: повести и рассказы / Г. Г. Демидов ; публикация В. Демидовой ; предисл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2010. – 360 с.
4. Демидов, Г. Г. Чудная планета : рассказы / Г. Г. Демидов ; сост., подгот. текста, подгот. ил. В. Г. Демидовой ; послесл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2008. – 360 с.
5. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Т. Шаламов ; сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М. : Худож. лит., 1998. – Т. 1. – 620 с.
6. Поэзия узников ГУЛАГа : антология / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский. – М. : МФД : Материк, 2005. – 992 с. – (Россия. XX век. Документы).
7. Чехов, А. П. Остров Сахалин (Из путевых записок) / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1987. – Т. 14–15. – С. 39–372.
8. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс ; пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб : Республика, 1999. – 392 с.
9. Демидов, Г. Г. Оранжевый абажур : повести / Г. Г. Демидов ; публикация В. Демидовой ; предисл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2009. – 376 с.
10. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер ; сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
11. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Т. Шаламов ; сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М. : Худож. лит., 1998. – Т. 2. – 509 с.
12. Эпплбаум, Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Э. Эпплбаум ; пер. с англ. Л. Мотылёва – М. : Московская школа политических исследований, 2006. – 608 с.
13. Демидова, В. Воспоминания об отце / В. Демидова // Г. Г. Демидов. Чудная планета : рассказы ; сост., подгот. текста, подгот. ил. В. Г. Демидовой ; послесл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2008. – С. 5–12.
14. Horvitz, L. A. Encyclopedia of War Crimes and Genocide / L. A. Horvitz, C. Catherwood. – New York : Facts On File, 2006. – 582 p.
15. Apanowicz, F. “Nowa proza” Warłama Szalamowa (problemy wypowiedzi artystycznej) / F. Apanowicz. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. – 198 s.

⁹ «Асимметрия устанавливается заранее» [8, с. 139] между двумя полюсами живых существ в пределах лагеря: эка и администрацией. Но это, конечно, несколько упрощает действительное положение. Стороны могли вполне друг с другом взаимодействовать (стучаство и т. п.), при этом не нарушается внешняя асимметрия, но сохраняется «интерес и цели исполнителей» [10, с. 32].

16. Krupa, B. Wspomnienia obozowe jako specyficzna odmiana pisarstwa historycznego / B.

Krupa. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIWERSITAS, 2006. – 174 s.

Горбачевский Чеслав Антонович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheslavgor@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9145-7721

Поступила в редакцию 12 июля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240109

THE NOISE OF TIME IN LITERARY WORKS DEVOTED TO KOLYMA BY G. G. DEMIDOV

C. A. Gorbachevsky

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This paper focuses on the analysis of Georgiy Demidov's camp prose. Many camp survivors write about Kolyma penal servitude of the 20th century in different genres (novels, novellas, short stories, essays, tragedies, requiems, notes, diaries, confessions, etc.).

Demidov's vision of the Kolyma world with its specific northern realities is presented in his stories and novels. He focuses on the ritualized camp routine. In the majority of the cited texts, the word *ritual*, as a set of prison actions, is used mainly in lay and negative senses. *Ritual*, a constant attribute of prison-camp life in Kolyma, was intended not only to organize and discipline the prisoners but also to intensify the torture of imprisonment.

These (anti)social practices resulted in the relatively rapid destruction of *the thin film of civilization*. Its restoration later becomes an extremely difficult task for both the individual and society as a whole.

Keywords: image, genre, creative method, Kolyma, ritual, savagery, labor camp.

References

1. <https://shalamov.ru/>.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57 000 slov [Dictionary of the Russian Language] / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Y. SHvedovoj. M.: Rus. yaz., 1985. 797 s.
3. Demidov G.G. Lyubov' za kolyuchej provolokoj: povesti i rasskazy [Love behind Barbed Wire: Novels and Short Stories]; publikaciya V. Demidovoj; predisl. M. CHudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2010. 360 s.
4. Demidov G.G. Chudnaya planeta [The Wonderful Planet]: rasskazy; sost., podgot. teksta, podgot. il. V.G. Demidovoj; poslesl. M. CHudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2008. 360 s.
5. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t.; sost., podgot. teksta i primech. I. Sitrotinskoj. M.: Hudozh. lit., 1998. T. 1. 620 s.
6. Poeziya uznikov GULAGa: antologiya [Poetry of GULAG Prisoners]; pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva; sost. S. S. Vilenskij. M.: MFD: Materik, 2005. 992 s.
7. Chekhov A.P. Ostrov Sahalin (Iz putevyh zapisok) [Sakhalin Island (From Travel Notes)] // *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 30 t. M.: Nauka, 1987. T. 14–15. S. 39–372.
8. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking]; per., vstup. st., primech. A. Ostrovskogo. M.: TERRA-Knizhnyj klub: Respublika, 1999. 392 s.
9. Demidov G.G. Oranzhevyj abazhur [Orange Lampshade]: povesti; publikaciya V. Demidovoj; predisl. M. Chudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2009. 376 s.
10. Terner V. Simvol i ritual [Symbol and Ritual]; sost. i avtor predisl V.A. Bejlis. M.: Nauka, 1983. 277 s.
11. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t.; sost., podgot. teksta i primech. I. Sitrotinskoj. M.: Hudozh. lit., 1998. T. 2. 509 s.
12. Jeppelbaum J. GULAG. Pautina Bol'shogo terrora [The GULAG. The Web of the Great Terror]; per. s angl. L. Motyl'jova M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2006. 608 s.
13. Demidova V. Vospominaniya ob otce [Memories of father] // *G.G. Demidov. Chudnaya planeta*: rasskazy; sost., podgot. teksta, podgot. il. V.G. Demidovoj; poslesl. M. Chudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2008. S. 5–12.

14. Horvitz L.A., Catherwood C. Encyclopedia of War Crimes and Genocide. New York: Facts On File, 2006. 582 p.
15. Апанович Ф. “Nowa Proza” Wałama Szałamowa (Problemy Wypowiedzi Artystycznej). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. 198 s.
16. Krupa B. Wspomnienia Obozowe jako Specyficzna Odmiana Pisarstwa Historycznego. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIwersITAS, 2006. 174 s.

Cheslav A. Gorbachevsky – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheslavgor@gmail.com

Received July 12, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбачевский, Ч. А. «Шум времени» в произведениях о Колыме Г. Г. Демидова / Ч. А. Горбачевский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 72–77. DOI: 10.14529/ssh240109

FOR CITATION

Gorbachevsky C. A. *The Noise of time* in literary works devoted to Kolyma by G. G. Demidov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 72–77. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240109
